

12+

Max Postman

Идиллия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65414931

SelfPub; 2021

Аннотация

Семейное счастье- величайшая ценность! За это нужно бороться до конца! Но всегда ли противник нам известен?

Max Postman

Идиллия

Прошло несколько лет... сколько точно, я не знаю, и это не важно. Каждый мой день – это борьба. Я жива, вполне адекватна, сильно постарела только, с того момента, когда последний раз запомнила свое отражение в зеркале. Да и некогда приглядываться, я знаю, что монстр только этого и ждет, и если я задержу взгляд на своем отражении, все мои кошмары оживут, и нового приступа будет не избежать. Каждую секунду я блокирую малейшие попытки памяти воскресить что-то из прошлого, эти образы настойчиво просят принять облик в моем воображении, так и манят – наш милый дом, мои любимые сестрички, родители, пытаются вернуть меня в мир, где всем нам было так хорошо вместе, но я старательно их размазываю и делаю безликими, если хоть на мгновение я задержусь и вспомню образ кого-то из них, я не смогу справиться с эмоциями и произойдет новый срыв, и опять клиники, врачи, беспомощность. Но как же они манят своей теплотой и счастьем! Нет, нет! Я фокусирую внимание на деталях интерьера – окно, кровать, за окном улица, внутри меня ничего нет!..

Мы жили в огромном доме, я, три мои сестры, родители, нянечка. Вся жизнь была пронизана любовью, это было восхитительно! Папа каждый день ходил на работу, мы целый

день играли, учились, обучались домашним премудростям. Примером для нас во всем была мама. Учителя ходили к нам домой, поэтому мы, практически не разлучались! Родители вкладывали в нас все самое доброе и прекрасное, своим примером показывали что такое любовь и уважение к друг другу, природе, окружающим. Так пролетал день, вечером папа приходил домой и это вызывало у всех восторг, наконец-то мы все снова вместе! Каждый был частичкой чего-то общего, и мы грустили если кто-то из семьи отсутствовал. У нас была настоящая семейная любовь и забота, и мы этим очень сильно гордились и берегли. Каждый вечер в ожидании возвращения папы с работы мы все по очереди глядели в окно. Ворота у были высокие и глухие. Первая из сестер, увидевшая, как открывается калитка, подавала громкий радостный крик и бежала к входной двери, остальные бросались вдогонку, а папа с нетерпением быстро шел через сад к дому, такой большой, сильный, добрый, предвкушая что сейчас на него вывалится клубок детских счастливых эмоций. В выходные мы куда-нибудь выезжали. Папа учил любить красоту окружающего мира, рассказывал какой он хрупкий, и как легко его разрушить. Это были особые моменты – вечер у костра, интересные рассказы про старину, дедушек, бабушек, страшилки. Мы визжали от страха, сильнее прижимались в темноте друг к другу, но просили рассказать что-нибудь еще, и папа рассказывал...

А один раз с работы папа принес щенка со сломанной ла-

пой, и мы все наперебой окружали его заботой, а папа говорил – только милосердие может спасти этот мир! И радовался, что мы у него такие чуткие! Даже было видно, что втихоря, он смахивал слезы умиления.

У меня было две старшие сестры, и одна младшая, совсем малышка имен я не называю, пытаюсь забыть.

Так шли годы, если что-то происходит до твоего рождения, то в тебе уверенно живет мысль, что так было всегда! Так и в моем детском сознании – наша семья и наше счастье были вечны, потому что это было до меня, это было со мной, а, значит, это будет всегда! Ни что не сможет разрушить наше счастье! На самом деле, думаю, что это продолжалось лет двенадцать. Самой старшей сестре как раз столько и было...

Как-то утром мы как обычно провожали папу на работу. Погода была хорошая, поэтому дружной гурьбой с шумом и гамом мы шли через сад к воротам, за которыми его должен был ожидать служебный автомобиль. Но его там не оказалось, зато стоял какой-то другой, неприятно черный, и несколько серьезных строгих мужчин. Вдруг наш большой, добрый сияющий папа сгорбился, улыбка застыла, он посмотрел на всех нас каким-то безучастным и беспомощным взглядом, прошептал еле слышно – «Идите в дом!». «Пап, а попрощаться! Ты же нас не обнял, как ты мог забыть!» Наспех всех обняв и поцеловав, он повторил – «бегите в дом»! Последнее что осталось в памяти, это неприятный запах от его кожаного плаща, который он очень сильно любил, и но-

сил его практически в любую погоду. Мы закрыли калитку изнутри, услышали, как хлопнули двери автомобиля и пошли в дом. Счастье было до нас, оно было с нами, оно будет всегда – непреложной истиной было выбито в нашем детском сознании, поэтому мы не придали значения тому, что папа уехал на неприятной машине с незнакомыми людьми.

Но когда мы рассказали маме, она восприняла по-другому: она побледнела, руки затряслись, целый день мы ее не видели, туманное чувство тревоги посетило нас. Весь день мы были задумчивы, первый раз за всю нашу детскую вечность наш дом стал хмурым и строгим.

Началась новая реальность – без папы. Мама целыми днями сидела в кресле в гостиной напротив телевизора, делая вид, что внимательно его смотрит, но мы понимали что это просто прикрытие, ее глаза не смотрели ни куда, нас она не замечала, она не ела, изредка отлучалась в туалет и садилась обратно, и так до вечера, пока нянечка не отводила ее в спальню. Мы стали тихие, вопросов про папу не задавали, по маме и так было понятно, что произошло что-то страшное. Целыми днями телевизор бубнил, там шли бесконечные заседания, совещания, но переключать каналы мы не осмеливались, боялись потревожить маму.

Вдруг, краем глаза, я увидела на экране папу, от волнения у меня перехватило дыханье, пока я пыталась совладать с эмоциями, чтобы как раньше, возгласом сообщить сестрам о том, что папа здесь, посмотрела на маму что же она молчит!?

Но ее взгляд оставался таким же стеклянным и безучастным.

Все это время, пока папа был на экране торжественный, неприятный голос за кадром четко выговаривал слова:

– он, получил прозвище палач режима. Лично пытал и собственноручно казнил более 700 мирных человек, сдирал с живых кожу, в качестве доказательства суду представлен плащ, сшитый из человеческой кожи, который был одет на подсудимого во время ареста ... – крупным планом на экране показали папин любимый плащ, я ощутила его запах... вина этих людей заключалась лишь в том, что их антропоморфические параметры, отличались от принятых за эталон преступным режимом! Вина его полностью доказана! Подсудимый, ваше последнее слово!

Камера приблизилась, теперь отец стоял во весь экран, лицо было искажено злобой, в глазах сверкал не здоровый звериный блеск, было видно, как он часто дышит.

– Я жалею только об одном! Что мне было отведено мало времени, говорил он, задыхаясь от ненависти, чтобы найти и уничтожить всех этих недоразвитых ублюдков, не достойных жить на одной планете вместе со мной! – прорычал он и резко перевел взгляд прямо в камеру, прямо на меня....

Я взвизгнула... Прошло несколько лет... Я пытаюсь забыть всех кого я люблю.... Я не смогу их увидеть, я не смогу совладать с собой, ведь крупица этого монстра есть во взгляде каждой из нас!!!

Max Postman
2021